

Клубные встречи

не было. И говорю самые нежные слова людям, которые голосовали за эту мою работу... Но не могу не сказать и о другом. Во время съемок «Портного» я оказался в сложном положении. Режиссер Леонид Горовец делал только вторую свою игровую картину. В молодых я склонен всегда видеть новых Тарковских, но тут увидел, что постановщик многого еще не умеет, не чувствует. И засучив рукава начал делать его работу. Так что все, связанное с моим портным Исааком в этой ленте, сделано мной. Надо было бы доделать и все остальное, потому что с нежностью и трепетом отношусь к пьесе Борщаговского. Но я жил тогда в поездах, постоянных переездах, и время не позволяло браться за разводку других сцен, за монтаж. К тому же приходилось много переснимать из-за загубленной пленки. Но в любом случае я благодарен судьбе за встречу с Горовцом (который сегодня, правда, живет в Израиле): надо быть очень хорошим режиссером и человеком, чтобы разрешить актеру самому выстроить свою роль «от и до».

— Какой из фильмов последних лет произвел на вас самое сильное впечатление?

— Пожалуй, «Холодное лето пятьдесят третьего...» Александра Прошкина. Яркие, сочные образы, соединение глубокой человечности и примет жанра вестерна! Жалею, что там не снялся. Но Папанов сыграл роль старика-профессора замечательно.

— А из картин более легкого жанра?

— Комедия «Ловушка для одинокого мужчины» — фильм, полный юмора. Я его согрел своим присутствием. Точнее образом

заниматься воспитанием мировосприятия прежде всего! Если мы бросимся только к тому, чтобы одевать наших детей в новые модные костюмчики, шапки, колготки, хоть и были этого лишены долгие годы, — можем забыть про их душу, про то, что каждый человек несет в себе целый мир.

— Раньше у известных актеров, музыкантов было много общественных нагрузок типа шефских концертов, а сейчас?

— Что касается меня — руковожу благотворительным Фондом актеров Москвы и Московской области и Фондом имени Деточкина на Украине, который — как и мой герой из «Берегись автомобиля!», именно в его честь и назван фонд, — помогает детским садам и интернатам. Но это не нагрузка, это честь. Я недавно вернулся с Украины с гастролей (играл там роль Баха в новом мхатовском спектакле), заработал много денег — и перевел их в этот фонд. Не считаю это никаким героизмом, а испытал огромную радость от того, что могу это сделать. А также выделил 21 тысячу на популяризацию Актерского фонда: ведь надо же помогать собратьям, оказавшимся за бортом профессии, работы, общества. Вот многие скучают по застойным временам, когда гнали норму, бегали за высокими процентами. Говорят: идеи у сторонников коммунизма были такие хорошие! Лозунги — да, красивые. А дела-то где? Это что — была реальная забота о человеке? Если те времена вернутся — не знаю тогда, как жить. Опять фиги в кармане держать?.. Надо понять: это был большой строй. Оттого и не пошла перестройка по нарастающей у Михаил-

гардо да Винчи, который, изображая битвы, и победителей и побежденных писал с бледными, трясущимися, испуганными лицами. У победителей на его полотнах — ужас перед содеянным. Не надо забывать, что эти 75 лет советской жизни, эпоха прессинга — всего-навсего миг в истории. Просто потом отметят в учебниках, что была такая диктатура — двумя строчками. Другое дело, что это был вовсе не безобидный локальный поворот в истории — он мог обернуться страшными последствиями для всей земли: ведь рука — в этом идеологическом противостоянии систем — не раз уже лежала на ядерной кнопке... Следя за недавним съездом, с горечью убедился, как много там среди депутатов еще людей старой формации, скучающих по прежним порядкам: те безумные времена их ничему не научили. Когда слишком много «классовых» эмоций — это плохо.

— По прошествии лет актеры склонны иногда отказываться от прежних своих работ. От чего бы вы не отказались сегодня?

— В кино это фильмы «Дочки-матери», «Дядя Ваня», «Живой труп» (не вся картина, только моя работа) — это уже частички моего мышления. Я их благословляю. А моя единственная великая работа — на сцене, в «Идиоте». Она вечная, легендарная; видел по лицам зрителей, как они начинали трепетать. Ну и «Гамлет», хотя работа отражала суть того времени. Сколько уже прошло? Тридцать лет. Это же... четверть жизни! Помню, что я не знал тогда Шекспира достаточно глубоко, чтобы браться за роль такой сложности, и специально нанимал педагога, который вводил меня в эпоху, в мир шекспировских произведений и мыслей... Тогда я строже относился к выбору ролей, к режиссерской концепции и его личным качествам. Если режиссер был не по душе — отказывался. Сейчас — говорю это со стыдом — мной руководит другое. Спрашиваю: сколько вы мне заплатите за это безобразие?

— Действительно, ваше появление в фильмах «Гений», «Осада Венеции», «Линия смерти», «Дина» — не самое обязательное...

— Зато благодаря «Осаде Венеции» сейчас снялся у того же итальянского продюсера в приключенческой ленте «Золото» в паре с Франко Неро. Играю там злодея в очень интересном гриме — вы меня даже и не узнаете... Но там, где я не знаю, как это играть не берусь. Так, отказался у Эльдара Рязанова в «Небесах обетованных» от роли, которую сыграл потом Басилашвили. Или ставлю условие: если позволите в таких-то кусках изменить мне то-то и то-то, тогда соглашусь...

— В каких фильмах еще вас увидим?

— Снялся в картине Бориса Айрапетяна «Убийца» (или, возможно, будет называться «Да! Сегодня!») в роли следователя. В ленте Игоря Аласяна «Вино из одуванчиков» по Рею Брэдбери о стариках и детях. И у замечательного режиссера Сергея Никоненко в комедии «Хочу в Америку». Там — роль писателя, для которого источником вдохновения служат любовные похождения его жены. Я был очень ограничен во времени, потому снимался всего один день, сыграв сразу все свои куски. Но когда на озвучании посмотрел, понял, что сделал хорошо! В смысле хорошо, что согласился сниматься у Никоненко. Потому что кругом проблемы, проблемы — а надо бы зрителям и развлечься. Думаю, что они тоже будут хотеть, глядя на игру Олега Табакова, Валентина Гафта, Татьяны Васильевой, Сергея Никоненко и особенно молодых героев. Так что «Хочу в Америку» — это очень недурно... К тому же каждый художник имеет право на чудачество, на чуждое правой ногой левому уху. Об этом я говорю в своей роли Баха — и не указ ему тут даже Гендель!

— Ваши творческие планы? Последний традиционный вопрос.

— Есть надежда, что буду работать в Англии, в русском репертуаре, но на английском языке... На радио предлагают записать цикл передач — читать Библию, вечную книгу. Само по себе приобщение к прекрасному распорядку человеческого общежития — большая радость. Это необходимо, на мой взгляд, сегодня всем. Правда, читать просят на древнеславянском, а это не просто — сделать все те фразы своими, прочувствованными, понятными... Ну и продолжаю встречаться с публикой. Некоторые спрашивают, почему билеты на эти встречи дорогие, но я объясняю, что все эти деньги мы отправляем в благотворительные фонды...

Беседу вел Петр ЧЕРНЯЕВ.
Фото Александра КОЧЕТОВА и
Владимира ПОЗДНЯКА.

Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ:

Вст. конд. — 1993. — 5 мая — с. 7

«Теперь я спрашиваю режиссеров — сколько вы мне заплатите за это безобразие?»

Красно-золотая ладья хохломской росписи, увешанная с боков такими же расписными ковшами, сияет в руках Иннокентия Смоктуновского. Это — его приз за победу на телевизионном фестивале фильмов студии «Фора-фильм» в Нижнем Новгороде. И хоть фестиваль, как говорится, районного масштаба, но роль Иннокентия Смоктуновского в картине «Дамский портной», признанная лучшей актерской работой киносмотра, не становится от этого менее значимой. Приз, привезенный телегруппой из Нижнего, без помпы и фотоблицев вручали мастеру в его мхатовской гримборной.

— Горд. Смуцен. Благодарен... — с волнением в голосе говорит великий русский актер. Там же, в гримборной, состоялась и беседа с артистом, затронувшая, естественно, и духовное состояние общества.

— Если мы, снимаясь в пошлых картинах, издавая низкопробные книжки, приобретаем сегодняшнего зрителя к грязи, то кто же мы такие? — задавал сам себе вопрос Смоктуновский. — Мы продавцы за духовным прилавком своего народа! Да, режиссеры и актеры были в прошлые годы проводниками коммунистических идей. Но они не понимали, что калечат людей. Думаю, и в себе что-то ценное каждый из нас изничтожил...

— Иннокентий Михайлович, давайте вспомним работу над «Дамским портным», с которым зритель начинает знакомиться лишь сейчас, хотя фильм поставлен года три назад, а пьесе, по которой он сделан, — добрых пятидесятых лет.

— Я и сегодня подписываюсь под словами, которые говорил накануне премьеры «Дамского портного»: «К сожалению, живет в нашем обществе средневековье — страшное, темное, несправедливое: национальная вражда, антисемитизм». Я и снялся-то в этой грустной истории о кануне Бабьего Яра потому, что хотелось, чтобы в моей стране, которую люблю однажды и навсегда, ничего подобного

старого пройдохи, который там создал. Я видел там попытку серьезной работы, где что-то можно сказать о человеке. Нельзя уходить только в «тренди-бренди», когда вокруг все плохо и люди теряют надежду... Россия всегда была полна духовными, талантливыми людьми. И продолжает производить таких особей. Хорошо, что мы навсегда отказались от коммунистического воспитания человека и перешли к воспитанию человеческого в человеке. С яслей (если их не отменяют у нас) надо

на Горбачева, которого я считаю замечательным человеком нашего века (хотя многие со мной, знаю, не согласятся). Народ наш духовно, душевно умирал в той системе.

— Как вы относитесь к происходящей в обществе конфронтации «демократов» и «коммунистов», «радикалов» и «консерваторов»?

— Мы делали большую ошибку, занимая в осмыслении гражданской войны чью-либо сторону. Я и сам чуть было не совершил такую глупость. Пример тут для меня — Лео-

В плену у поклонников.